

Надо было как-то выкручиваться. В карманах пусто, идей никаких, за квартиру платить через неделю. Хорошо, в столице всегда найдется работенка на пару дней: в массовке ток-шоу, сборщиком заказов на складе, курьером или на рекламных опросах. А потом хоть полмесяца ищи дело всей жизни да кормись полуфабрикатами.

— На студии «Час суда» на Профсоюзной каждый день с утра кастинги проходят, езжай туда, Петька, — посоветовал сосед Андрей, работавший художником-оформителем в типографии. — Я у них в прошлом году за день сто долларов заработал.

Двухкомнатную квартиру на бульваре Яна Райниса вместе с Петей снимали еще трое друзей, в разное время приехавших из Сибири. Все давно при деле, и только Петя временно безработный: в поисках своего стиля он записался на литературные курсы и бесплатно писал другу для сайта игривые статьи о музыке шестидесятых.

— Надо ехать, — согласился Петя.

И поехал.

В фойе у поста охранника в ожидании кастинга набилось человек пятнадцать, выглядевших так, словно до этого они все вместе просидели как транзитные пассажиры на вокзале пару суток. Их по очереди заводили в комнату с видеокамерой, просили пройтись перед ней туда-сюда, что-то рассказать и поулыбаться. Управившись за час, оставили четверых: двух мужчин и двух женщин.

— Серия называется «Любимый ученик», сейчас вам раздадут текст, читаем вслух по ролям, — сообщил молодой режиссер в просторной желтой кофте.

— А кто будет любимый ученик? — спросил рослый парень с щербинкой в зубах.

— Он, — ткнул в Петю пальцем режиссер.

По сценарию Петин герой пытался отравить бывшую учительницу. Причина банальная — квартира. Сердобольная пожилая женщина поторопилась переписать на любимчика свою жилплощадь. Однако спровадить одинокую старушку на тот свет не удастся — на пути злодея встал бывший одноклассник (а теперь сотрудник органов внутренних дел). Он и раньше не жаловал любимого ученика, был между ними нерешенный конфликт — первая красавица в классе, вскружившая головы обоим молодцам. Как и полагается несмышленной бабенке, она выбрала негодя, будущего отравителя.

— А я что буду с ними двумя мутить? — спросила девица.

Режиссер лишь отмахнулся. Типаж он подобрал что надо, за такую аппетитную кралю можно было поконфликтовать, да и соперник Пети — внушительных размеров с хладнокровной борзостью в глазах — очень походил на полицейского. Только училка больше напоминала сбрендившую у телевизора домохозяйку. Но выбрать было особо не из кого.

— Вы — классная руководительница Марья Петровна на пенсии, роль почти без слов, лицо пожалостливей делайте и сильно удивляйтесь, когда узнаете, что вас пытались отравить, — советовал ей режиссер. — Можно и слезу пустить.

Актерам подобрали костюмы. Одели в изрядно поношенный секонд-хенд. Марья Петровна чихнула пару раз в рукав.

— Основные съемки завтра в студии, — сказал режиссер, — а сегодня на подсъёмку в квартире поедут учительница и ее любимый ученик. За это дополнительно по пятьдесят долларов.

По сюжету злодей ходил к учительнице на квартиру, приносил кефир и крошил туда таблетки, повышающие давление, чтоб добить и без того шаткое здоровье Марьи Петровны. Как-то в подъезде ему встретился бывший одноклассник, капитан полиции, тот сработал профессионально. Почувяв недоброе, установил камеру на кухне учительницы и вскоре зафиксировал, как отравитель вершит темные делишки. В следующем эпизоде вбегают ребята в форме и вяжут любимого ученика.

На первом дубле Петя перестарался.

— Не надо вот этого Станиславского, — поморщился режиссер. — Я тебе верю, родной. Только попроще физиономию сделай. Ты же не Цезаря Борджиа играешь.

С третьего раза Петю успешно повалили на пол и надели наручники. Он не стал яростно отбиваться и кусаться, как во второй раз, и дико выть, проклиная ментов, как в первом дубле. Просто упал носом в пыльный ковер и затих.

Домой Петя ехал пока без денег, но довольный. Это была его третья роль в постановках. Первая — принц в «Золушке» в школьном спектакле — прошла с успехом, когда ему было шестнадцать лет, потом в девятнадцать он изобразил уверенного молодого бизнесмена в рекламе мебели местного производства. Ну и вот, наконец, спустя пятнадцать лет, уже в столице — роль неудачливого убийцы, что можно было признать и по экранному времени, и по оплате за карьерный рост в актерской сфере.

Повторяя завтрашнюю роль, Петя подошел к подъезду. Во всех трех окнах их квартиры на втором этаже горел свет, кто-то метался за шторами как беспокойный призрак. С опаской Петя поднялся по лестнице.

По квартире бегал Манкин.

— Чего с ним? — спросил Петя у Андрея.

— Что-то в группе у них стряслось, толком не поймешь... Мне в ночную смену, сам тут разбирайся. Пока.

— Пока.

Манкин бежал из комнаты в комнату, громко разговаривая по телефону, чаще всего слышались слова «крысятничество», «ложь» и «измена». Манкин уж лет двадцать как был художественным руководителем рок-группы «Небесная терраса», исполнявшей песни на его стихи, получался такой религиозно-духовный рок. У них были поклонники и хиты, пусть не мирового масштаба, но вполне на уровне, чтобы чувствовать себя при деле в этом полоумном мире.

— Иуда, предатель, — увидев Петю, сказал Манкин.

— Кто? — попятился Петя.

— Да кто же еще, наш звездный вокалист! Артист наш!

— А, Митька. Ушел в запой и не вернулся?

— Я к нему как к родному! Как к брату, как к сыну! А он!

Манкин был на взводе и явно хотел все разъяснить. Судя по блеску глаз и запаху коньяка — дело серьезное.

— Пойдем на кухню, — схватил Петю за рукав Манкин.

— Пить не буду, у меня завтра важный день, съемки. Шоу-бизнес, сам понимаешь.

Манкин заскрипел зубами. Комплекции он был боксера легкого веса, роста невысокого, но в гневе становился неистовым и беспощадным. Прямо один из черных гусаров — этих ребят он уважал. Мог среди ночи включить гимн гусаров в исполнении хора Валаамского монастыря и громко и сурово подпевать: «Не стоят, а храпят кони вороны! Не ржавеют, а горят сабельки кривые! Я из гроба приду! Стану мертвым в ваш строй, где бессмертным стоял я, бывало!»

— Просто посижу с тобой, — согласился Петя.

На кухне он налил себе чаю, Манкин коньяк.

— Я к нему как к сыну, как к брату, — погнался по кругу Манкин. — Иуда!

— Перестань. Нормальный Митька человек. Даже симпатичный. Я же его знаю.

— Вот в этой симпатичности все дело. Харизмой берет. Все внимание к группе и нашу популярность приписывает исключительно себе. Выходит, он даже не понимает, о чем поет!

— Как это?

— Да вот так, все слова мимо сердца. А теперь он решил свой проект организовать, где мои песни собирается исполнять.

— И ты из-за этого на него взъелся?

— Да мы недавно поймали его за руку. Воровал деньги из общей кассы с концерта! Мы ему: как же так, брат?

— А Митя?

— Простите, говорит, бес попутал.

— Так у него сейчас семья, ребенок родился, можно понять. Ну, взял чуть больше, не из чужого же кармана.

— Понять можно. Но он предал нашу дружбу. И доверие. А всякий предающий и оскорбляющий любовь и дружбу, предаёт и оскорбляет Бога! Отрекается от него. И попадает под власть дьявола.

— Ну, это уже перебор. Митя творческий человек, стало вам тесно в одном коллективе, разойдитесь миром. Он ведь добряк по сути... как ребенок.

— Это он кажется таким. Это маска! А между «казаться» и «быть» лежит пропасть, которую можно перейти лишь с божьей помощью. Понимаешь?!

— Фуф, — выдохнул Петя.

Тут пришел четвертый сожитель. Павел, человек умный, терпеливый и неконфликтный, снимал на видеокамеру деловую житуху больших людей при власти, имел с них деньги и мечтал однажды послать все это подальше и написать книгу.

— Чего у вас тут? — спросил он, устало выгружая продукты из сумки.

— Наш обнаглевший до беспредела артист, иссохший от зависти, пытается не просто присвоить мои песни, а украсть у меня душу! — воскликнул Манкин, но видя, как поморщился Паша, негромко пояснил: — Я давно заметил, как Митрофан перенял у меня не только мимику, жесты, манеру говорить и вести себя, но и образ моих мыслей... Надо это понимать, иначе непонятно вообще, что происходит.

— Ладно, я спать, рано вставать, спокойной ночи, — попрощался Петя, чувствуя, что не может принять чью-либо сторону.

Еще некоторое время он слышал, как Паша разогревает себе ужин, а Манкин цитирует святых отцов:

— Чадо мое, будь осторожен с театром, который называется миром, ибо оборванцы и обыватели на его сцене одеваются

в одежды царей и владык. Некоторые кажутся таковыми истинно и обманывают воображение зрителей. Когда же представление заканчивается, маски снимаются, и тогда все являются такими, какие есть на самом деле!.. От Суда Божьего не уйдет никто!

Манкин любил поговорить на религиозные темы с Павлом, он когда-то учился в Барнауле на факультете теологии и слушал с интересом и пониманием.

Утром Петя приехал в студию. Костюмеры долго подбирали наряд. Вчера на съемках в квартире, когда он появлялся в камере слежения, его внешний вид особо не волновал. А тут тщательно зачесали волосы назад, примеряли очки в разной оправе, пока не получился злодей низкой пробы. Увидь Петя себя на улице, так бы и плюнул вслед.

— Отлично, — сказал ему режиссер, — пару раз можешь чего-нибудь отчебучить.

— Чего отчебучить?

— Крикни чего-нибудь о своей невинности, ну на мента этого, одноклассника твоего, наедь.

— Сделаем.

— Верю в тебя.

Слушание дела проходило бойко. Судья набрасывала вопросы, заседал обвинитель, адвокат флегматично отбрыкивался, тупила Марья Петровна, девица кокетничала. Наконец и Петя решил выкобениться, когда одноклассник стал отгружать в его адрес нелестные эпитеты, упирая, что Петя врун и подонок с детства. Петя нервно вскочил и прокричал:

— Да это он так говорит, потому что Ленка на выпускном меня выбрала! Он со школы мне завидует! И что я был любимый ученик — это тоже его всегда подбешивало! Это он все подстроил! Точно!

А когда вина была доказана и объявили приговор, Петя забился в истерике и прокричал:

— Нет! Этого не может быть! За что?! Я невиновен! Марья Петровна, не погубите! Марья Петровна! Родная! Это же я — ваш любимый ученик!

Адвокат пожал плечами. Марья Петровна выпучила глаза. Судья в черной мантии удовлетворенно, как опившийся крови

вампир, кивнула и, откинувшись в кресле, прикрыла глаза. На Петю опять надели наручники.

Публика расходилась довольная, поглядывая на него, как на маньяка.

— Молодцом, — похвалил режиссер. — Вон у той женщины получите гонорар.

— А есть еще такая работенка? — спросил Петя.

— Нет. Теперь вам полгода светиться на экране нельзя. И не пытайтесь, вы в базе данных.

Петя перебросился еще парой фраз с режиссером, и они разошлись довольные друг другом. У проходной поджидала непутевая Ленка.

— Ты куда теперь? — спросила она по-свойски, будто и правда отучилась с Петей десять лет в одном классе.

Он на мгновение замешкался, разглядывая ее стройные ноги, а придя в себя, толкнул дверь и уверенно сказал:

— На пробы... к Спилбергу.

Петя столкнулся с Митей на выходе из метро. Вид у того был удрученный, как будто он опоздал на тайную вечерю, пришел, а ее перенесли на среду. Он бы и мимо прошел, не замечая никого.

— Привет, Митрофан, — задержал его Петя. — Приезжал с Манкиным мириться?

Митя грустно посмотрел, о чем-то подумал и сказал:

— Да наоборот, пока его дома нет, приехал кофту забрать. Холодает уже. Совсем новая кофта, жена подарила. Оставил у вас в прошлый раз, когда Андрюхин день рождения отмечали.

Петя отвел его в сторону и спросил:

— Ну и как это у вас получилось? В интернете такая склока из-за твоего ухода из группы. Ты прямо как Том Мейган, тот тоже не по своей воле ушел из группы на пике популярности.

— Кто это?

— Вокалист Kasabian.

— Не знаю таких... Лично я ни с кем не скандалил. Даже ни на один пост не ответил. Вообще, это очень стремная история... Может, книгу написать о своей жизни и творчестве в группе? Чтоб люди всю правду узнали.

— Напиши. Я слышал, ты своей проект создаешь.

— Да. Позвали выступить в Воронеж и в Омск. Чего отказываться. Деньги нужны. Музыканты есть, будем свои песни сочинять. Ты сам как?

— Нормально. Сто пятьдесят долларов заработал на чужом безумии. За квартиру отдам, ребятам ужин устрою. Кстати, могу строчку подбросить, — предложил Петя. — Надо?

— Какую строчку?

— В песню. — Не дождавшись заинтересованности, Петя старательно пропел: — Вчера еще было семь верст до небес, сегодня дремучий загадочный лес.

— Это о чем?

— Да хоть о чем.

— Не надо.

Вечером парни втроем сидели за накрытым столом, Манкин задерживался на работе. Помимо поэзии, он неплохо отделявал стены декоративной штукатуркой. Задорого. «Я работал. Я писал стихи» — это было не про него.

Когда собрались расходиться, вошел сияющий Манкин в новых туфлях и весело проговорил:

— Вставайте, пойдём отсюда!

— Ты чего такой радостный? — удивился Петя. — Башмаки обновил. Женишься?

— Объект сдал, надо отметить. Едем в пиццерию! Пиццы хочется.

— Да мы только поели. Петька сегодня разбогател, продуктов принес, мяса с картохой и сыром запек, чилийским вином угощает, — сказал Андрей.

— Сегодня прям день званных ужинов, — усмехнулся Павел.

— Это последний на сегодня. Откажетесь, обижусь.

Таксист, застряв в пробке, высадил компанию на Ордынке у церкви Покрова Богородицы. Словно стараясь опередить поддувавший в спину ветер, они быстро прошли дворами на Пятницкую в Dominos. И только вошли, как стали свидетелями ссоры двух женщин из-за расшалившихся детей. Толстая тетка, которой помешали дети, крыла их мать матом, потом перешла к решительным действиям. И попыталась дать мамаше коленом под дых. Какой-то парень, похожий на сегодняшнего режиссера

в желтой кофте, вместо того чтобы разнимать, снимал на телефон потасовку. Увидев новых посетителей, он навел камеру на них, Манкина аж передернуло.

— Поехали в другое место, — твердо сказал он.

Персонал пиццерии оттаскивал разбушевавшуюся бабу.

— Только недалеко, — попросил Павел.

Полчаса, пока ждали пиццу в ПЛ Патио на Волхонке, тянулись медленно. Паша и Андрей пару раз обменялись мемчиками и ссылками на смешное видео. Манкин, сидевший между ними, некоторое время молча наблюдал, как они посмеиваются, глядя в телефоны и, наконец, высказался:

— Теперешняя жизнь основана на повышенном мнении о себе. Настоящих людей все меньше, а информационных вампиров все больше.

— Ты чего? — спросил Андрей. — Мы ж не маленькие, все понимаем...

— Во всем этом дух нечистой силы, — гнул свое Манкин. — Тот, кто ему подыгрывает, не просто лицемерит, а предает свет в себе.

— Мысли о Мите покоя не дают, — догадался Павел. — Что ж ты все судишь его, а как же прощение?

У кассы возникла ссора, покупатель возмущался из-за медленного обслуживания. И хотя продавщица толково объясняла — в чем дело, он не хотел вникать и твердил:

— Я не понимаю, почему так долго!

— Что-то не везет нам сегодня с пиццей, — поморщился Паша.

— А я сужу нашего Иудушку семейным судом, и я его не казню, а желаю спасения, — Манкин выразительно посмотрел на всех.

Петя сидел перед ним — лицом к большому окну. И видел, как качались полуголые ветки. Странные тени от них, похожие на ползущих змей, на освещенной белокаменной стене здания напротив возбуждали воображение.

— Лично я помалкиваю, — пожал Петя плечами. — Сам сегодня поработал на информационных вампиров, они мне еще и денег дали.

— Тебе простительно, — сказал Манкин. — Ты ж блаженный, веришь в нового человека будущего, как в Джими Хендрикса.

— С чего ты взял? — буркнул Петя, хотя это и было правдой. — О, кажется, нам несут.

Перебрасываясь незначительными фразами, все сосредоточенно жевали ароматную с хрустящей корочкой пиццу.

— А как же плоды святого духа, любовь, радость, милосердие и кротость? — вдруг спросил Павел. — Твоего исихазма могло бы хватить, чтобы голова была чиста от беспокойных мыслей.

— Что ж ты не веришь в меня, Паша, — напряженно проговорил Манкин. — Ты к чему клонишь?

— Вспомнил карпократиан: спасение невозможно до тех пор, пока человек не испытает всего.

— Что за ересь, Паша, — еще более сурово перебил Манкин и плеснул в чай коньяка.

Павел пожал плечами и, отвернувшись, посмотрел в окно, где по стеклу сбегали струйки дождя. Вид у Паши стал отстраненный — как будто он не здесь.

Неожиданно Манкин начал читать стихи:

— Нас унижает вода по законам!

Даже не думай стоять под балконом!

Где я стою и смотрю! Плачу, смеюсь и смотрю!

А пока. Пока. Липсис.

Апокалипсис! Апокалипсис!

Такой сюрприз.

Андрей и Петя переглянулись — они ничего не поняли.

— Новое? — спросил Павел.

— Только что.

— Хорошее.

Андрей опять глянул на Петю — надо же, Паше понравилось.

В такси по дороге домой Павел попытался пересказать Манкину точку зрения своего преподавателя профессора Гамалиилова на природу христианского обожения, но Манкин отмахнулся фляжкой коньяка и сказал, что времена человеческой истории подходят к концу и все остальное неважно. И только типчики вроде Пети верят, что в сознании людей обязательно произойдут изменения и жизнь на Земле будет другой.

— Да-да, пробуждайтесь, — закивал Петя. — Даже воображаемые переживания могут помочь ментальной реализации.

— Ну вот, — засмеялся Манкин.

— А что смешного-то, человек переживет глубокую трансформацию сознания и тела, и лет через двести тут совсем все по-другому будет.

— Сатанинские бредни.

— А я вчера, Петька, читал твои статьи про Ника Дрейка и Тима Бакли. Такие они у тебя получились фантастические трубадуры вне времени, ну прям волшебные, как на иконке, с нимбами, — сказал Андрей.

— Может, ты думаешь, что и сам такой же, типа людена у Стругацких? — насмешливо спросил Павел.

— Да ну вас, — расстроился Петя.

Отопление еще не включили, и в квартире было холодно. Манкин и Петя жили в одной комнате.

— Ну как прошел день? — укутавшись в одеяло, спросил по привычке Манкин перед сном.

— Нормально, получил свое, и то хлеб, сегодня так смешно было на съемке, когда на меня наручники надевали, — начал рассказывать Петя, но услышав, что Манкин похрапывает, тоже спросил: — А у тебя?

— Ага... и у меня свое, весь день на ногах, с самого утра какие-то разговоры странные, с заказчиком только часа три разбились, — устало бормотал Манкин, — туфли еще поджимают, ноги просто гудят, голова тоже квадратная... а ничего так башмаки, а?.. кожа... разносятся... будто через виноградную долину прошел под палящим солнцем.

И засопел.

— Чего? — не понял Петя. — В какую долину?

В тишине было слышно, как в своей комнате посмеиваются и о чем-то переговариваются Павел и Андрей.

Петя долго не мог уснуть. Вспомнил, как в школе тоже был любимчиком, историю и литературу он обожал. На него возлагали надежды в прошлом. А он стал супраментальным маргиналом, верящим в то, что у человека будущего вместо желудка, сердца и легких будут какие-то вибрации. И вот он, из плоти и крови,

лежит в холодной квартире на бульваре Яна Райниса в компании людей, которые смеются над его идеями, хотя, возможно, и сами верят в нечто подобное. Петя вспомнил, как летом отмечали день рождения Андрея: купались и жгли костер на Сходненском ковше, в сумерках запекали рыбу в фольге и пили вино. И Манкин, обняв Митю, читал ему стихи Есенина про Демьяна Бедного. Пете запомнился самый забавный фрагмент, он даже записал его куда-то: «...ты только хрюкнул на Христа, Ефим Лакеевич Придворов». А Митька потом играл на гитаре и пел: «Это все хорошо, все не зря, все как есть...»

Через две недели Петя шел поучаствовать в промоакции. Настроение было так себе. Ощущение, что реальность ускользает, как песок сквозь пальцы, в такие моменты только усиливалось. И в то же время в нем, как Петя иногда, откровенничая, говорил друзьям, оживал человек будущего и смотрел на мир его глазами. И пусть истинное мешалось с выдуманным, все же это была возможность — почувствовать и увидеть то, чего еще нет в этом мире. Петя переставал быть существом, голова которого забита цифрами и яркими картинками. Истинным было желание и способность постичь величие человека и не предавать его. Этому можно научиться, только если быть свободным от себя теперешнего. Как? Легко. Настоящий любимый ученик всегда на связи с учителем. С божественным. Кто-то наверху его любил и верил, как считал Петя, давая знание новой жизни. Нищие и изгои такие уроки постигают лучше.

Зазвонил телефон.

— Сейчас тебя по телику показывали, — сказал Петин друг. — Ну и рожа у тебя там. Отвратная. Я сразу и не признал, пока ты не заговорил.

— Где показывали? В местных новостях? Типа вчера на Театральной площади попал под лошадь гражданин Петр И., пострадавший отделался легким испугом.

— Хуже. По второму каналу, в передаче «Час суда».

— Но я-то был хорош?

— Форменный Иуда. Аж мурашки по коже. Ты где сейчас?

— На Тульской. Хожу тут, ищу одно место, где буду за тридцать долларов дегустировать и продвигать йогурты.

— Опять на мели?

— Да как сказать, чувствую, наоборот, что на взлете. Скоро вся эта дрянь вокруг отвалится, как короста.

— Ну в деньгах ведь нуждаешься?

— Нуждаюсь пока.

— Почему так, как думаешь?

— Чего тут думать. Походу я здесь не для того, чтобы зарабатывать деньги, а чтобы навсегда забыть про них. Как вчера говорил Манкин, не погибнет надежда бедных. А я, если что, проводник между материальным миром и космическим океаном Ананды.

— Откуда такая информация?

— Из индийского гороскопа.

— Понятно.

— Вот я и открою вам дверь в безоблачное будущее огненных пионеров всемогущего, за которой нет богатых и бедных. — Когда разговор заходил о материальных благах и просветлении, Петю заносило так, что не остановить. — А вокруг просто декорации, где это должно произойти. И пока я это осознаю, я живее всех живых.

— Хорошо, хорошо, успокойся... Давай, езжай ко мне, дам тебе эту тридцатку, сегодня ты нам нужен живым. Кстати, отличная статья про Сержа Гензбура. Красиво ты его с Таривердиевым в одну компанию свел.

Уговаривать не пришлось. Но напоследок Петя еще добавил:

— Божественное отдает себя только тем, кто сам отдает всего себя без остатка божественному. Другого способа обрести покой, свет и свободу нет.

— Я тебе верю. Ждем.

Постояв еще несколько минут в комфортном, как спальный вагон, современном дворе, Петя наблюдал за двумя бродягами у блестящего мусорного бака, как они делят находку, доставая из большой сумки фирменное тряпье и безделушки. Прикинув, что на первый взгляд в социальной цепочке он от них недалеко, Петя усмехнулся и пошагал прочь, уверенный, что идет в сторону вечности на следующий урок.